

УКРАИНСКАЯ
ПРОЗА
И ПОЭЗИЯ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

Харьков
«ФОЛИО»
2016

Владимир АРЕНЕВ

(род. в 1978 г. в Киеве) — киевский писатель, сценарист, журналист, редактор, переводчик. Закончил Институт журналистики при Киевском национальном университете им. Т. Шевченко, там же преподавал до 2010 г. Пишет на украинском и русском, зачастую сам переводит свои произведения с одного языка на другой. Автор более 100 публикаций и более 20 романов и повестей, среди которых «Заклятый клад», «Душница», «Порох из драконьих костей» и др. Произведения Аренева издавались на английском, литовском, польском, русском, украинском, французском, эстонском языках. Лауреат ряда международных премий. В 2014 году в Дублине, на всеевропейском конвенте любителей фантастики, был признан лучшим автором книг для детей и подростков.

НИЧЬЯ ВОЙНА

(цикл рассказов)

ИЗ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО

За последние сорок лет город здорово изменился. Антон понял это, как только сошёл на перрон.

Приехал Антон налегке, да и что сюда везти, какие сувениры? Он не стал брать такси, двинулся пешком, шурясь от расплавленного солнца, бликовавшего в стёклах небоскрёбов. Было утро, улицы стояли пустые, только ползли поливалки да шагал куда-то паренёк, насвистывал песенку. Мелодию Антон не узнал; вот, сказал себе, надо будет послушать, что нынче в моде, потом напеть ребятам.

© В. Аренев, 2016

Кассеты или диски тащить отсюда смысла не имело, у него и так будет полный рюкзак, причём вещей более важных. А новичкам, когда приедут, будет не до песен.

Двинулся вдоль набережной, смотрел на белоснежные корабли, на каштаны, липы, потом не выдержал, сошёл по ступенькам и, стянув берцы, осторожно опустил ноги в воду. Вода была прохладная, на поверхности плавал мелкий мусор: листья, веточки, обёртка от мороженого.

Он сидел так какое-то время, шевелил пальцами в воде, слушал гудки машин; на пришвартованном пароходе кто-то звал: «Боря! Бо-о-орь!.. Ну позвони им опять, где их курьер чёртов, нам же скоро открываться!»

Чуть дальше на набережной позёвывали рыбаки, один уткнулся в газету, другой уже пару раз украдкой поглядывал на Антона. Тот передвинулся и вытянул ноги, чтобы сохли на солнце. Рыбак всё зыркал и зыркал, как будто никогда не видел, чтоб у человека не хватало мизинца на стопе. Даже на обутого Антона зыркал, в спине чуть дырку не провертел.

От набережной Антон пошёл вверх по бульвару. Остановился у памятника, прочитал затёртое «безвременно сражающимся», посмотрел, щурясь, на угловатые лица, на горстку цветов. На гранитных беретах и касках задумчиво переступали с ноги на ногу голуби, ещё сонные, ленивые.

Решил перекусить, сел на открытой площадке, пока ждал заказ, смотрел, глаз не мог оторвать от девушек. Подумал: рядом универ, вот поэтому их тут так много. Хотя понимал, что дело вовсе не в универе, просто отвык же. Не от женщин, конечно, а вот чтобы в мини, да на каблучках, да в воздушной блузке, и в глазах чтобы смех, и гордость, и знание: да, я самая красивая.

Он засмеялся: ну ты, старый, поплыл, сопли-то подбери. Сиди вон, любуйся, но без этих всех поэзиев.

За соседним столом беседовали двое парней. Антон особо не прислушивался, так, краем уха выцепил.

— ...повестку.

— Пойдёшь?

— У меня дед воевал там. И отец, хотя отец вернулся раньше срока, по контузии.

— А что Маринка?

— Не говорил ей ещё. Может, и не буду пока. Она вообще против всего этого. Говорит: нам врут, не бывает, чтобы так долго...

да и в принципе — не бывает, это против всех известных законов природы.

— Ага, как будто она Богданов Яр никогда не видела. Против законов природы — но в природе же существует...

Тут они, кажется, заметили Антона, оборвали разговор.

До вечера он разбирался с делами. Занёс на почту письма, прикупил всё по списку, забросил рюкзак в камеру хранения. Съездил к Светлане. Могилка была ухоженная, рядом лежал её второй муж; Антон и не знал, что он тоже умер.

По дороге домой заглянул в Богданов Яр. Хотелось сравнить, много слышал от ребят. Прямо за трамвайными колеями здесь начинался парк, никакого забора, ни знаков, — просто в какой-то момент ты вдруг замечаешь, что вокруг всё переменялось. Деревья искривлённые, со вздыбленной, рассечённой корой. В траве то и дело попадаются обгорелые, ржавые куски металла. И гильзы — хотя, конечно, гильз мало, их мальчишки всегда уносят для своих мальчишечьих игр.

Во дворе перед домом тоже играли, он присел на лавочку и смотрел, как отряд «наших» доблестно отбивает атаку «вторженцев». Вокруг детской площадки было перекопано, клали новые трубы, и эти нечаянные окопы, брустверы, — всё у мальчишек пошло в дело. «Вторженцы» шли плотным строем, защитники держались из последних сил, звали подмогу, прямо по мобильному: «Макс, выходи! Ты что, дезертир, слабак?! Наших бьют! Потом домашку доделаешь!»

Антон устроился поудобнее и смотрел на третий этаж, на окна в угловой квартире. Темнело; там зажгётся свет, в окне мелькнул силуэт — женщина под пятьдесят, красивая, с усталым взглядом. Посмотрела в окно, задёрнула штору. Обернулась к кому-то в комнате, что-то сказала.

Очень была похожа на Светлану, Антон даже удивился — насколько.

— Так нечестно! — кричали у него за спиной. — Теперь меняемся! Теперь вы — «вторженцы»! И портал ваш пусть будет там, а здесь — наш, чтоб приходило подкрепление. Эй, Баняк, и убери на фиг меч, они ж напали не сто тыщ лет назад, уже «калаши» придумали...

Антон вспомнил, каким видел двор в последний раз. Не здесь... и не сейчас. Тоже изрытым, но вовсе не ради труб. Стреляли со стороны детсадика и пёрли внаглую, в этих их броневичках; Гриневич

пытался их подорвать, но без толку. А новобранцы хоть и явились с новым оружием, обращаться с ним не умели.

Антон тогда прикрывал отход своих, как раз с той крыши, оттуда ему видны были окна собственной квартиры — одно выбитое, второе целёхонькое. Он *работал* механически, а думал совсем не о том, удастся ли самому уйти. В который раз он пытался тогда представить, как это могло случиться: дом стоит и там, и здесь. И там, и здесь есть города, сёла — одни и те же и там, и здесь. Но вот здесь мы который месяц сдерживаем наступление, чтобы там — который год! — всё было мирно. Чтобы Светлана с Оксанкой были живы. Чтобы наш вариант будущего для них никогда не стал настоящим.

Как, думал он, как так вышло, что мы не просто увязли здесь, — почему вдруг два этих мира оказались связаны между собой, почему мы способны переходить туда — в будущее, за которое воюем? Как вышло, что вообще существуют эти порталы или коридоры — как ни назови, но — открываются же в свой срок, позволяют новобранцам оттуда приходить, приносить патроны, письма, новые мелодии. Подтверждать, что мы воюем не зря. Что туда эти гады не пролезли... ну, только один раз, когда они нас совсем уж стали выдавливать, та, наша реальность перекинулась на тот мир. Но из Яра мы их тоже выбили, и ничего, ещё немного, ещё пару месяцев — погоним обратно, в эти их порталы, а то и дальше, мы их ещё...

— Молодой человек, — кто-то тряс его за плечо. — Молодой человек, с вами всё в порядке?

Он вскинулся, но в последний момент сдержался. Заставил себя ослабить хватку, отпустить чужое запястье. Хорошо, что сообразил вовремя; старушка же — сломал бы ей руку, идиот.

— Извините, — сказал. — Погода мирная, вот я и расслабился. Задремал.

Дети уже давно убежали; судя по часам, до поезда оставалось минут сорок.

— А сразу видно, — проворчала старушка. — Загнал же себя, юный совсем, а лицо исхудалое. Вон, щёки аж впали, страх какой. Молодёжь! Работаете с утра до вечера, как будто в этой жизни ничего другого нет. А потом будете жалеть... — Она махнула рукой и вдруг перешла на «ты»: — За день ел-то хоть, боец? А то давай я грушек тебе вынесу, подождёшь? С дачи грушки, внук привёз. Так и тают во рту.

Антон начал было что-то говорить про «на работу опаздываю», но она и слушать не хотела. Да и ждать пришлось недолго: жила на первом этаже, он её узнал, Лиля из параллельного «Б», вот ведь как обернулось...

Прибежал на перрон за пять минут до отправления. Новобранцы уже грузились. Антон смотрел, как они запрыгивают в вагоны, и с наслаждением жевал грушу. Подумал, что правильно все эти годы отказывался ехать сюда на побывку. Другая жизнь, другой мир. Нечего ему здесь делать, разве только вот так, на денёк, в отпуск.

Предвкушая, как будет рассказывать ребятам об этом дне, он выбросил огрызок и запрыгнул на подножку.

30.10. — 3.11.14.

БЕЖЕНЦЫ

Сложнее всего оказалось найти себе работу — не потому, что Руслан с Дашей были ленивые или бездарные, просто здесь жили по другим законам. А без сноровки вырастить цветок или исцелить алмазного мотылька — пойдика сумей. Даже и с мусором управляться было нелегко.

Но они старались. Да, многие не заморачивались: жили себе и жили, тем более что ни еда, ни питьё, ни всё прочее не стоили ни копейки. Вот только Руслан считал это неправильным. И потом — дети; их ведь нужно воспитывать, приучать...

— Мы же рано или поздно вернёмся, — говорила Даша. — Обязательно вернёмся, да?

Он кивал. А по вечерам, когда небеса окрашивались нежно-розовым, с золотистыми отливами, сочинял-пересказывал Михасю с Маришкой сказки — про Винни-Пуха, про хоббита, про Белоснежку. Жалел, что в школе почти не учил стихи. В голове с тех пор остались только отдельные строки — «буря мглою», «а он мятежный» и про «рождённый ползатыль»; но чаще вспоминался какой-то мусор из песен, который здесь и произносить-то было неловко. Словно сквернословить в храме.

Верующим Руслан никогда не был и поэтому сомневался, что после возвращения сумеет попасть сюда снова. Да так далеко он и не загадывал, хватало текущих проблем. Никто ведь их не ждал здесь, никто не готов был к массовому исходу. Они сами — тем более.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя. <i>Александр Красовицкий</i>	3
Владимир Аренев	6
Александр Афонин	13
Андрей Валентинов	25
Ян Валетов	88
Евгений Деменок	116
Андрей Дмитриев	122
Владимир Ешкилев	165
Александр Кабанов	198
Андрей Климов, Светлана Климова	223
Алексей Кононенко	247
Алексей Курилко	259
Андрей Курков	326
Дмитрий Лазуткин	362
Лада Лузина	370
Владимир Нестеренко	409
Алексей Никитин	433
Дмитрий Громов, Олег Ладыженский (Генри Лайон Олди)	496
Ирина Потанина	568
Владимир Рафеенко	572
Елена Стяжкина	650
Наталья Талалай	706
Борис Херсонский	736